

Дальнее — близкое — эпизод 9 из 31

Отец не разделял этих опасений.

— Не такой человек. Твердо сказал: «Приезжай в Успенье к вечеру. Обязательно дома буду». Так и сделает.

После этого разговора я все же стал усиленно причмокивать на Чалка. Ему город меньше всех нравился. Шагать по камню, да еще в гору было совсем неприятно. Еле тащил. Отец мне напомнил:

— Егорша, ты где?

Меня тогда занял опять какой-то пустырь. Он тоже тянулся по улице с угла до угла и вглубь не меньше половины квартала. На одном из углов было видно полуразрушенное здание, похожее на склад. Через обветшалый забор, местами совсем свалившийся, видны были два небольших озера. По одной стороне забора ряд старых берез, ближе к озеру плотная группа деревьев более молодого возраста, но садом все-таки это место назвать не приходилось, так как деревья занимали очень небольшую площадь. На вопрос, что это, отец ответил:

— Видишь, пустопись какое-то. Они тут любят такие штуки делать. Захватят место, да и ждут, пока земля подорожает. Тогда продают. Ловкачи ведь! А ты все-таки пошевеливай, пошевеливай! Потом про этот пустырь узнаешь.

Так и вышло. Года через полтора мне пришлось хорошо ознакомиться с этим Верходановским садом, получить не один выговор за плавание на самодельных плотиках по озерам в весеннюю пору, на них же покататься зимой на коньках, перелазить по старым березам и особенно по молодым липкам. Но это было потом, а пока приходилось подхлестывать Чалка, который все равнодушной и равнодушной становился к поездке. Находил, что давно пора отдохнуть.

С Александровского проспекта повернули на Уктусскую улицу. Она в этой части тоже была замощена, но обочины здесь оставались широкие и вовсе пыльные. Продолжали удивлять пустыри. В квартале справа и слева были заняты домами лишь углы, а вся середина, огороженная тесовым забором в каменных столбах, была под огородами, где росла только капуста. Таких огромных огородов мне еще не случалось видеть. Мама позавидовала:

— Хорошая у матерей капуста, а семена продают худые.

— Ну, так ведь не зря говорят: у монастырок совесть по их одежке — черная,
— отозвался отец.

На следующем углу стояло заметное каменное здание в три этажа.

— Вроде скворечника, — определил отец.

Действительно, дом был какой-то необычайный. Как видно, здесь сказывалось несоответствие между высотой и площадью пола. Чтобы представить себе это здание, надо иметь в виду, что в среднем этаже было только четыре классных комнаты, каждая не более как на сорок человек. Узкие окна усиливали эту общую неслаженность здания. На одном из углов надпись: «Екатеринбургское духовное училище». То самое место, куда я ехал учиться.

На противоположной стороне улицы тоже каменное белое здание, более прочно стоявшее на земле, в два этажа, с мезонином, имело надпись: «Екатеринбургское городское училище».

Все это было мне интересно, но стал занимать другой вопрос. Видел монастырь, проезжал мимо архиерейского сада, видел квартал богатых домов, пустыри, монастырские капустники, два училища, а где железо, железный круг, чугунок, гостиный двор, магазины?

Оказалось, к этому лишь подъезжали: мостовая кончилась. Дорога вышла на Хлебный рынок. Там стояли ряды деревянных лавок, где торговали зерном и мучными товарами, тут же раскинуты палатки с продажей яблок. Против Хлебной площади Уктусская улица шла одинарной, по которой виднелось много вывесок. Одной из первых оказалась та самая лавка, о которой много говорили в нашем заводе. Это был небольшой каменный склад, над которым значилось: «Продажа металлов Сысертских заводов гг. Соломирского и наследников Турчанинова». На дверях более крупно, с расчетом, видимо, на другого читателя: «Железо кровельное, шабальное, шинное, подковное и поделочные обрезки». Через несколько домов такой же склад Кыштымско-Каслинских заводов, с тем же порядком надписей. Сверху подробно название округа с перечнем владельцев, а на дверях: «Сковородки, вьюшки, заслонки, печные дверки». Еще дальше вывеска Сергинско-Уфалейских. Сверху титул, снизу: «Проволока, гвозди».

В этом же квартале еще несколько лавок, где торговали изделиями из железа. Неожиданным показался угловой многооконный дом. На крыше с одной улицы на железных листах было написано выпуклыми, позолоченными буквами: «Продажа соли», а с другой улицы такими же буквами: «Графа Строганова».

Такую замечательную вывеску я видел впервые, и она запомнилась навсегда. И теперь, проходя мимо этого домишка, невольно вспоминаешь о ней и удивляешься жалким масштабам прошлого.

Дальше шли мучные ряды. Еще дальше гостиный двор, который назывался «новым», а на углу Уктусской и Главного проспекта старый гостиный двор. Тяжелее сооружение, с навесом на неуклюжих каменных столбах. Торговли уже не было, и оба здания гостиных дворов казались угрюмыми.